

Принятие решения:
к истории осмысления
человеческой деятельности

Decision Making: Towards the History of Understanding of Human Activity /
Beschlussfassung: zur Geschichte des Verständnis der menschlichen Tätigkeit

УДК 1(091):001

Платонов-Поляков Р.С.

Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

Платонов-Поляков Роман Сергеевич, аспирант философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: roman-vsegda@mail.ru

В статье рассматривается концепция сознательного выбора в философии Аристотеля с целью показать актуальность подхода Аристотеля к пониманию человеческой деятельности и практики принятия решения.

Посредством анализа структуры деятельности в философии Аристотеля понятие «сознательный выбор» сопоставляется с понятием «принятие решений», определяется внерациональная составляющая сознательного выбора и его роль в процессе становления человека. Способность к сознательному выбору/принятию решений определяется как сущностная характеристика человека и основной элемент его деятельности. Анализируются факторы цели и личностного развития в реализации сознательного выбора.

Ключевые слова: prohairesis, сознательный выбор, Аристотель, принятие решений, теория принятия решений, действие, деятельность, цель.

Обращаясь к древним мыслителям, нередко мы находим в них современников — сказанное несколько тысячелетий назад оказывается неожиданно близко актуальным проблемам, в этом особенность философского знания. Так и для теории принятия решений, интенсивно разрабатываемой в XX в., имеются свои прецеденты в древности. Аристотель — один из авторов, которого можно назвать предтечей этой теории. Содержательно понятию «принятие решений» в философии Аристотеля соответствует понятие «προαίρεσις». В аристотелеведении существуют два варианта перевода этого слова на русский язык: «преднамеренность», которое раскрывает аутентичное словообразование от «αἴρεσις» (выбор, намерение), и «сознательный выбор», которое больше соответствует самой концепции Аристотеля — здесь термин «сознательный» обозначает дискурсивную часть процесса, собственно, указывая на решение, однако оптимального варианта нет¹. Структурно процесс принятия решений, описываемый в современных исследованиях, во многом совпадает с

¹ Похожая ситуация, например, и в английском языке. Д. Росс в своем переводе использует просто «выбор», поясняя это так: «Проαίρεσις — это очень сложное слово для перевода. Иной раз “стремление”, “воля”, “намерение” выявляли бы его значение лучше, но я в большинстве случаев использовал “выбор”. Его этимологическое значение — “предпочтительный выбор” (preferential choice)» (см. комментарий № 2 к фрагменту 1111b5 в [Aristotle, Ross 1925]).

процессом осуществления выбора, по Аристотелю. Но главная ценность концепции Аристотеля в том внимании, которое уделяется внерациональной составляющей этого процесса и в той роли, которая ему отводится в жизни человека. Рассмотрев детально, что представляет собой «προαίρεσις», мы выйдем на проблемы организации процесса принятия решений, опыта принятия решений, гуманизации и дегуманизации человеческой деятельности.

I.

Все сущее, согласно Аристотелю, пребывает в постоянном становлении — переходит из потенциального (δυνάμει)² в

² «Способность-дюнамис — это как бы дремлющая сила, пробуждение преобразует ее в движение, или энергию» [Васильева 2008, с. 202].

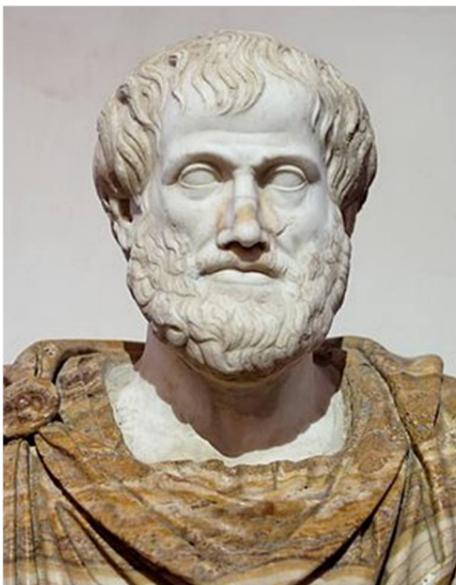
Платонов-Поляков Р.С. **Философия Аристотеля: ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

действительное ($\epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\gamma\iota\alpha$)³; исключение составляет лишь бог / ум (Νοῦς) как абсолютная завершенность / совершенство (об

³ Термин «энергия» употребляется для характеристики как деятельности (*actus, actualitas*), так и действительности (*realitas*), «дьюнамис» же – как возможности (*potential, possibilitas*), так и способности (*capacitas*). Понятия деятельности и возможности описывают сферы ставшего и становления, подлинной действительности и еще не сущего, находящегося в процессе возникновения» [Никулин 2005, с. 41].

этом подробнее см. в *Met.* гл. I, V; *Ph.* гл. II)⁴.

⁴ Здесь и далее для указания названий сочинений Аристотеля используются стандартные сокращения: E.N. — «Никомахова этика», E.E. — «Эвдемова этика», M.M. — «Большая этика», D.A. — «О душе», *Met.* — «Метафизика», *Ph.* — «Физика».

Слева — Бюст Аристотеля. Римская копия оригинала Лисиппа.

Справа — Аристотель и его ученики (слева — Александр Македонский и Деметрий Фалерский, справа — Теофраст и Стратон). Художник Э. Лебедзицкий (по эскизам Карла Раля). Фрагмент фрески правой лоджии фасада (Афины, Национальный университет). 1888.

Человек в числе прочего сущего также раскрывается в становлении, но отличается наличием разумной части души, части «обладающей суждением» (*E.N. 1102a25–30*)⁵, благодаря чему его природа деятельна (энергийна)⁶. В энергийном

⁵ Здесь и далее все термины и цитирование первоисточника в переводах и на языке оригинала приводятся по соответствующим изданиям в списке литературы только с указанием названия произведения и стандартного округленного номера строк.

⁶ «Дело — цель, а деятельность — дело, почему и «деятельность» ($\epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\gamma\iota\alpha$) производно от дела ($\epsilon\rho\upsilon\gamma\omicron\nu$) и нацелена на «осуществленность» ($\epsilon\nu\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\iota\alpha$)» (*Met. 1050a20*).

процессе человек не только определяется (становится определённым/завершённым), но и обретает некоторую самостоятельность. Его видовая особенность раскрывается как свобода в необходимо заданном существовании: в отличие от божественной свободы она не абсолютна — человек обречен на изменения, но в этих изменениях он оказывается способным сознательно выбирать и совершать поступки, становясь сам причиной / началом действия⁷. Такое причинение

⁷ К причинам относится «всё, что исходит от человека» (*E.N. 1112a30*).

концептуализируется Аристотелем как свободное действие через сознательно принятое решение⁸.

⁸ «Выбор <...> ничему, что не рассуждает, не свойственен» (*E.N., 1111b10–15*).

Однако природа человека сложна, для выражения этой сложности Аристотель использует методологический прием двух- или трехчастного деления души⁹: разумная, т.е. обладающая суждением; неразумная (стремящаяся и растительная)

⁹ Относительно самого знания о сущем, «не имеет ни малейшего значения, делима душа или нет» (*E.E. 1219b30–35*).

(подробнее см. *E.N. 1102a25–2b*). Подробности психологии Аристотеля, как выше и онтологии, в контексте данной темы можно опустить. Для понимания человеческого действия здесь принципиально важен аспект взаимосоотнесенности различных составляющих человеческой природы. Чтобы возможная свобода была реализована, требуется работа ума¹⁰,

¹⁰ Ум, разум, рациональное, сознание, интеллект являются синонимами и не имеют в данном контексте смысловой дифференциации, выражая «способность суждения».

однако в процессе становления, с одной стороны, ум есть «движущая причина поступка», в котором человек оформляет себя, с другой — он уже есть «стремящийся ум» / « $\delta\omicron\rho\epsilon\kappa\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ νοῦς» или дианоэтическое стремление / « $\delta\omicron\rho\epsilon\zeta\iota\varsigma$ διανοητική» (*E.N. 1139b5*), т.е. мышление ($\delta\iota\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha$), определенным образом направленное стремлением, которое само уже должно быть «правильным» / « $\tau\eta\nu$ $\delta\omicron\rho\epsilon\zeta\iota\nu$ $\delta\omicron\rho\theta\eta\nu$ » (*E.N. 1139a25*) — направленным на правильную цель, — что возможно самостоятельно только при добродетельности.

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

Если душа ($\psi\upsilon\chi\eta$) — это форма («Она есть сущность как форма ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$)» — *D.A. 412b10*), в которой телом и умом осуществляется человек, т.е. выражение его телоса, в том числе и как «целевая причина тела» (*D.A. 414a*)¹¹, то добродетель

¹¹ «Вид и форма по отношению к материи тождественны, в этом смысле они обозначаются одним словом "эйдос" <...> Готовый дом как энергия есть индивидуальная сущность, материализованная форма <...> Слово "телос" ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$), корень которого содержится в слове "энтелехия", значит одновременно и цель и конец <...> Существование или жизнь относятся к таким движениям, которые Аристотель называет сплошными, или непрерывными. Остановка в таком движении означает его конец. В этом конце соединяются и окончание, и цель, и назначение такого движения» [*Васильева 2008, с. 205*].

есть ее «наилучшее состояние ($\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$)» (*M.M. 1185a35*) «её совершенство ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$)» (*E.E. 1220a1–5*). Каждая часть души достигает своих добродетелей (в развитии ума, развитии нрава). Во взаимодействии разумной и неразумной частей души Аристотелем определяется соотношение: «скорее верно направленное движение чувств, а не разум служит началом добродетели» (*M.M. 1206b25–30*), оттого так важна предварительная подготовка¹², но при этом роль разума — дискурсивной,

¹² «Рассуждение <...> не для всех имеют силу, а нужно, чтобы душа слушателя благодаря привычкам заранее была подготовлена» (*E.N. 1079b20–25*). В данном случае, «слушателем» оказывается любой человек, когда ему приходится усваивать новую информацию или, например, вступить в дискуссию. Можно сказать, что любое вовлечение в дискурсивные практики делает человека помимо всего прочего и «слушателем», это не только положение ученика – это коммуникативная функция реципиента.

рассуждающей части души, остается направляющей, что делает осуществление человеком своей природы процессом сознательным, но не рационализируемым полностью. Другими словами, добродетели выражают оптимальное развитие человеческой природы¹³ и как правильный $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$, и как деятельное (энергичное) пребывание в нем¹⁴. Но как следствие —

¹³ «Назначение человека выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели» (*E.N. 1144a5–10*).

¹⁴ «От них исходит деятельность» (*E.E. 1220a5–10*). Для более ясного понимания процесса можно также воспользоваться сопоставлением души по Аристотелю, с ДНК, которое сделано Х. Мей: «Душа – "естественный инженер" тела. Как в нашем понимании ДНК, душа направляет развитие организма» [*May 2010, p. 38*]. Это, безусловно, удачный образ, который на современном уровне может объяснить гилеморфизм Аристотеля, но с одной лишь оговоркой – «тело» нужно понимать предельно широко, т.е. как сущее, совмещающее в себе все части души как уровни оформления, включая ум. Подробнее о видах добродетелей см. *E.N. 1102b10–1145a10*. Добродетельность здесь можно назвать телосом телоса.

начало развития оказывается практически неуловимым, т.к. возможно лишь при наличии хотя бы какого-то предварительного правильного оформления, уходит в прошлое индивида, семьи, рода.

Это сразу выводит нас к ряду вопросов: о начале оформления; о наличии и свойствах того надындивидуального уровня оформленности, посредством которого индивид мог бы войти в процесс оформления; о способе взаимодействия индивида и надындивидуального (пресловутого Другого); и т.д. В чреде этих небезынтересных вопросов есть и те, что непосредственно касаются особенностей самого свободного сознательного действия. В виду сложности собственной природы, прозрачен ли субъект действия для самого себя, т.е. насколько рациональна — контролируема разумом — его деятельность? Более конкретно: насколько рационально и само специфическое действие человека — προαίρεσις ? Какова его внерациональная составляющая?

II.

В качестве основного модуля человеческой деятельности в философии Аристотеля можно выделить сложное действие, образуемое соединением сознательного выбора и «поступка» (πρᾶξις)¹⁵, который по отношению к сознательному

¹⁵ «Как термин πραξις у Ар. не просто действие, но сознательный человеческий поступок, имеющий целью сам себя (*1140b6*)» [*Брагинская 1983, с. 693*].

выбору представляет собой реализацию принятого решения¹⁶. Этот модуль можно назвать «этическим действием».

¹⁶ «Когда [достижение цели] представляется возможным, тогда и берутся за дело» (*E.N. 1112 b 25*).

Понимание этического у Аристотеля шире, чем обычно принято сегодня — это не просто область поведения, взаимоотношения индивидов регулируемая нормами, опирающимися на понятия «добро», «зло», «прилично», «неприлично» и т.д. Но оно и шире, чем это принято прочитывать у Аристотеля, определяя этическое, условно говоря, между физическими / биологическими процессами (рост, питание и пр.) — растительной частью души, и рациональными / дискурсивными процессами (мышление, рассуждение и пр.) — разумной частью души. Конечно, эмоции, переживания, желания, страсти, привычки, все то, что сегодня принято называть иррациональным, бессознательным и т.п. — все это относится к стремящейся части души, определяет «нрав» ($\eta\theta\omicron\varsigma$) человека, но не исчерпывает самой этической проблематики. Человеческое развитие начинается не с рассуждения, а с привыкания¹⁷, поэтому Этика как «практическая наука» охватывает

¹⁷ Что и обуславливает, у Аристотеля, определение понятия «нрав» ($\eta\theta\omicron\varsigma$) через понятие «привычка» ($\acute{\epsilon}\theta\omicron\varsigma$).

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

все проблемы индивидуального развития вообще, включая и интеллектуальное развитие (дианоэтические добродетели)¹⁸. Именно поэтому поиск специфики человеческого действия, совмещающего в себе, как уже было сказано, работу

¹⁸ Так что в строгом смысле Этика должна бы называться Арэтикой — от слова «ἀρετή» (добродетель), т.е. наукой о добродетелях.

разумной и неразумной частей души, оказывается одной из задач Этики.

Аристотель решает эту задачу посредством анализа всех возможных действий, отталкиваясь от понятий «произвольное и непроизвольное» / «τὸ ἐκούσιον καὶ τὸ ἀκούσιον» (E.N., 1109 a 30)¹⁹, создавая классификацию действий и вычленяя

¹⁹ Т.к. «к произвольному причастны <...> и другие живые существа» (E.N. 1111b5–10), все те, что обладают стремящейся частью души.

ту самую особенность — προαίρεσις.

Обобщенно эти результаты могут быть представлены **схемой 1** (по фрагменту E.N. 1110a–1114b30).

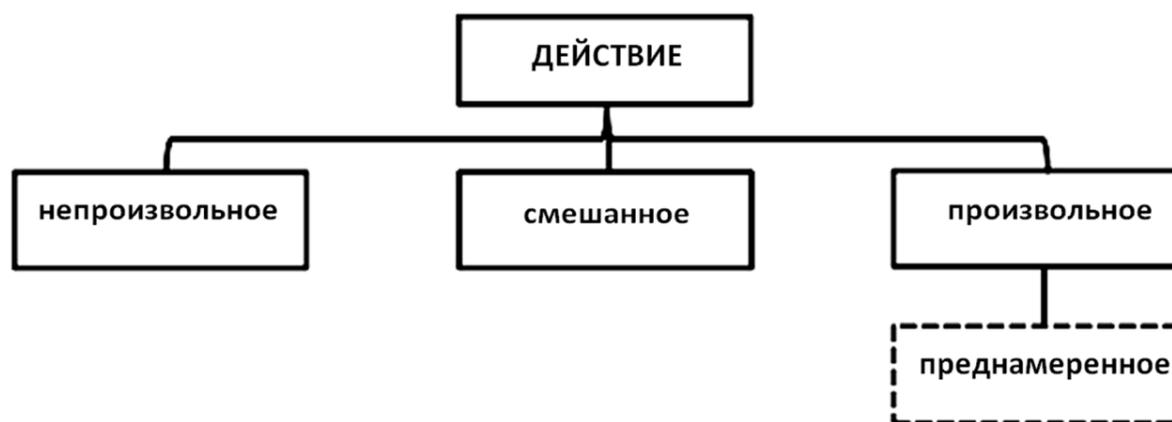

Схема 1. Классификация действия по Аристотелю

Непроизвольные действия:

1. Источник действия («источник движения») вне субъекта («человек никак не способствует действию»), соответственно, ситуация выбора в принципе невозможна. Действует то, что сегодня принято называть обстоятельствами непреодолимой силы. Сам Аристотель приводит в пример силы природы («морской ветер», который может вынести корабль не туда) и «людей, обладающих властью». Такие действия он называет — **«подневольные»** (более точен перевод Э. Радлова и Д. Росса: «по насилию», «under compulsion»);

2. Источник действия — сам субъект, т.е. выбор возможен, но информация о факторах принятия решений (средствах и цели), не по вине субъекта, искажена. Такое искажение может быть двух типов.

А) Незнание — например, когда человек обманут или когда знание ложно. В такой ситуации человек как бы совершает не то, что он на самом деле совершает. Но поскольку определить со стороны, стал ли субъект заложником некорректной информации или просто воспользовался ею, практически не возможно, то Аристотель предлагает внутренний критерий — «раскаяние». Конечно, это не внешне наблюдаемое раскаяние, а само переживание субъектом действия результатов действия. Проще говоря, Аристотель обращается к совести, т.е. сложность оценки такого рода действия опять возвращает нас к вопросу об общем развитии человека. Роль внерационального фактора в принятии решений становится особо значимой, когда субъект действует в ситуации недостаточного информирования. Такое действие Аристотель называет — **«по неведению»**. Ярким примером здесь могла бы стать история Эдипа, хотя Аристотель ее и не упоминает.

Б) Восприятие информации искажается патологиями субъекта. Аристотель ссылается на безумие, глухоту и слепоту — это действия **«в неведении»**;

Произвольные:

Полностью противоположны непроизвольным, т.е. источник действия — сам субъект / выбор возможен, субъект не в неведении и не в незнании, т.е. обладает адекватной информацией относительно обстоятельств действия. Но это довольно широкий круг действий, т.к. на них способны и люди, и животные, а значит, в строгом смысле просто произвольное действие не может считаться элементом человеческой деятельности²⁰ — оно не раскрывает его специфики;

²⁰ «Деятельность (πρακτικῆ) [жизнь] обладающего суждением существа» (E.N. 1098a1–5).

Смешанные:

Выделение такого вида действий само по себе достойно отдельного исследования и скрывает множество именно моральных нюансов — источников вдохновения современных моральных теорий. Это действия «произвольные в данное время в определенных обстоятельствах». С одной стороны, источник действия — сам субъект, есть возможность выбора и адекватная информация, но сами обстоятельства таковы, что в каком-то смысле приближаются к обстоятельствам

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

непреодолимой силы, только не в физическом смысле, а нравственном, заставляя человека в буквальном смысле выстраивать иерархию ценностей. Так «во время бури выбрасывают [имущество] за борт» или «во имя великого и прекрасного терпят нечто постыдное», т.е. это выбор, который никто не сделал бы «безотносительно» данных обстоятельств — не предпочитаемый сам по себе.

Однако Аристотель делает принципиальную оговорку — существуют такие действия, что «скорее следует умереть, претерпев самое страшное», чем совершить их. В контексте проблемы принятия решений это можно понимать как вопрос о направляющих целях, которые организуют серию действий²¹. Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о развитии

²¹ Понимание цели в ее функциональном аспекте Аристотелем и в современной теории принятия решений идентичны. Например, описание цели Г.В. Сориной в монографии «Принятие решений как интеллектуальная деятельность» также выводит к проблеме иерархии целей, которую также разрабатывал Аристотель в рамках практической науки: «Процесс реализации любого действия не может быть понят без связи его с целями, ради которых предпринимается действие. При этом предполагается, что субъект деятельности обладает возможностью выбора цели и средств. Очень важно <...> помнить, что субъект определяет цели своей деятельности на всех уровнях, включая обыденный и профессиональный» [Сорина 2009, с. 136]. Примером такой — иерархизирующей — цели может считаться, например, понятие «миссия» используемое современными корпорациями (см. [Сорина 2009, с. 98—102]). На вершине иерархии целей в философии Аристотеля стоит смысл жизни человека, т.е. цель человеческого бытия как такового (счастье).

человека, т.к. перед нами встает старая проблема цели, оправдывающей средства. Важно и то, что эти странные «смешанные» действия все-таки нельзя не отнести к произвольным действиям и более того — к преднамеренным.

Преднамеренные действия (сознательно избираемые) — это особый подвид произвольных действий. Учитывая, что речь идет о процессе только условно делимом, то таковым действием можно назвать и весь модуль этического действия, и «поступок», но Аристотель сосредотачивает свое внимание на анализе именно «сознательного выбора», что видно из контекста, хотя до этого описывает действия именно реализуемые вовне субъекта. Такая нечеткость лишь показывает сложность анализа, а также оправдывает введение модуля, в составе которого мы можем различить действие внутри и вовне субъекта.

Аристотель и Платон увлекают схоластов в пропасть. Фрагмент гравюры Г. Гольбейна (младшего) «Христос — Свет Истины». Ок. 1526.

Итак, «**сознательный выбор**» — это действие,

1) характеризующееся:

- а) наличием рассуждения,
- б) направленностью на средства к цели и на то, что «зависит от нас и не всегда одинаково» и «осуществляется в поступках», т.е. *на все то, что мы можем изменить*,
- в) порочностью или добродетельностью;

2) структурно состоящее из *решения* (принятия решения) и *выбора*.

Само решение — это «поиск и анализ»²², заканчивающиеся обнаружением возможного. Поиск средств и способов для

²² Аристотель использует глагольные формы «ζητεῖν καὶ ἀναλύειν» (E.N. 1112b20), т.е. искать и анализировать. В переводе Д. Росса — «investigate and analyse».

осуществления цели²³; анализ средств до самого основного средства («до первопричины»), т.е. средства для всех последую-

²³ Однако «средства» здесь нужно понимать функционально, т.к. любая цель может оказаться средством (если, конечно, это не предельная цель человеческого бытия).

щих средств²⁴. Таким образом, решение — это всецело рациональная процедура. Выбор же — результирующий внерацио-

²⁴ Если сталкиваются с невозможным, то поиск признается бесплодным и прекращается.

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

нальный акт, т.к. «некоторые ... из-за порочности избирают не то, что должно» (*E.N. 1112 a10*), порочность и добродетельность не даются в «поиске и анализе». Это отсылает к уже упомянутому качеству развития индивида, т.е. добродетельности как умственной, так и нравственной, всегда предшествующей каждому конкретному поиску решения.

Если схематично воспроизвести структуру сознательного выбора (**схема 2**), то сразу становится очевидным, насколько она схожа со структурой принятия решений, выделяемой современными исследователями (см. [*Сорина 2009, с. 110–112*]). Особенно примечательно совпадение с выделением выбора в отдельный сегмент.

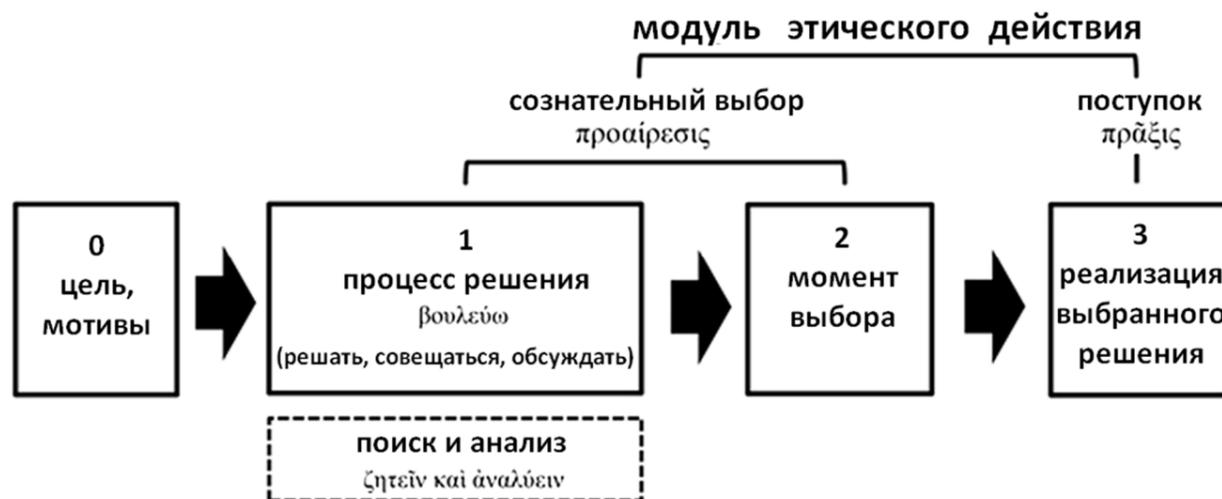

Схема 2. Структура сознательного выбора по Аристотелю

Таким образом, сознательный выбор не избавлен от влияния человеческой природы во всей ее сложности, соответственно, в нем можно усмотреть как рациональную, так и внерациональную составляющую: регуляцию разумом и регуляции нравом.

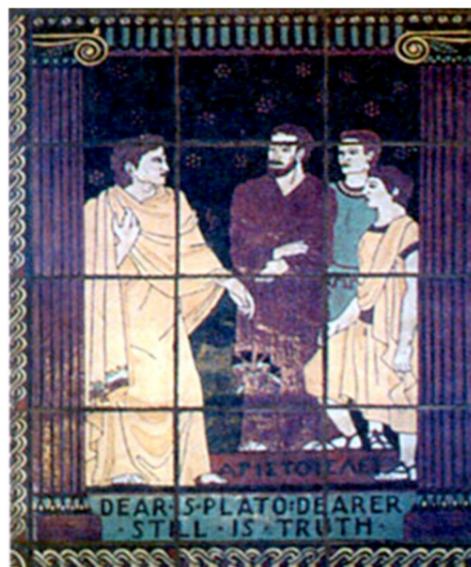
В этом Аристотель более внимателен к человеку, что ведет его к критике позиции Сократа /Платона²⁵ — он уходит от

²⁵ «Отождествляя добродетели с науками, Сократ упраздняет внеразумную часть души, а вместе с нею и страсть и нрав» (*M.M. 1182a21–24*).

упрощения человека чрезмерной рационализацией. Для достижения оптимальных результатов требуется, если так можно выразиться, честное знание²⁶, что и пытается осуществить Аристотель, тем объясняется его отказ и от ссылок на

²⁶ «Аристотель ничего не придумывает такого, с чем простому человеку не приходилось бы сталкиваться, он только продумывает до конца то, что большинство людей пропускает без внимания... от вещей чуть ли не обыденно знакомых мы переходим к узнаванию неясных начал, скрытых причин, наиболее достойных целей и безотказно действующих средств их достижения» [*Васильева 2008, с. 209*].

потусторонний мир идей, и от понятия «блага как такового». Но если в анализе рациональной составляющей Аристотель не встречает особой сложности, то относительно самого момента выбора (сопряженного также и с целеполаганием), где работает и внерациональная составляющая, остается некоторая недосказанность.

Слева — Аристотель (фигура слева) на барельефе Луки делла Роббиа «Платон и Аристотель, или Философия». 1437–1439.

Справа — Аристотель: «Платон мне друг, но истина дороже». Мозаичное панно. Художник Р.-К. Флюэллинг. 1929.

Попытаться прояснить ситуацию можно, обратившись к примечательной семантической дифференциации пары однокоренных слов «βούλησις» и «βουλή». В древнегреческом языке оба выражают волю, желание, но за первым закрепляется именно значение желания как хотения, а за вторым решения, совета²⁷, т.е. можно сказать, воли проявляемой

²⁷ В том числе и Совета пятисот (βουλή οἱ πεντακόσιοι) в Афинах, βουλή также назывался и Ареопаг (см. о «βουλή»: [*Liddell, Scott 1996*]).

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

структурированно, в некоем дискурсивном развертывании. Именно в таком культурном контексте Аристотель работает с понятиями «желание» и «решение», используя глагольную форму «βουλεύω» (E.N. 1139a10–15) для обозначения самого процесса решения, т.е. «поиска и анализа», а также сравнивая его с желанием (цель — это в первую очередь «предмет желания» — E.N. 1113b5). Шел ли Аристотель на поводу у некоторой языковой интуиции, в данном случае не имеет значения и может являться предметом отдельного исследования; важно то, что в подобной семантической дифференциации природа человека все-таки представлялась единой — в языке не проговаривался разрыв между дискурсивными / рациональными практиками и волевыми / иррациональными побуждениями, скорее, указывает на то, что желание / воление не рационализируемо, не проговариваемо до конца, и если воление частью предстает как решение, то частью оно остается скрытым от непосредственной регуляции разумом.

Здесь перевод постоянно уводит в сторону, мешает увидеть особенности выстраиваемой концепции. Так Э. Радлов, поясняя, что «βουλή» обозначает у Аристотеля взвешивание мотива, предшествующего действию», выбирает «для краткости» перевода термин «делиберация» [Радлов 1908, с. 44]. Это в целом адекватно выражает процессуальность решения как действия, но кроме того, что иногда комично звучит («о чем делиберирует разумный человек»), никак не подвигает к пониманию природы человека как единого целого. Н.В. Брагинская переводит глагол «βουλεύω» словосочетанием «принимается решение» (E.N. 1112a15–20), что не указывает прямо на процесс, как если бы мы сказали, например, «ищется», ведь здесь решение — это процесс, а не результат. От читателя ускользает особенно важный аспект — само принятие решения есть момент результирующий, т.е. момент выбора — действовать в соответствии с результатом проведенного «поиска и анализа», принятие решения не слито с самим решением как процессом. Это принципиально важно для понимания концепции Аристотеля, ведь иначе все заканчивалось у Стагирита сведением «сознательного выбора» к работе разумной части души, ведь в «поиске и анализе» нрав участия не принимает. Однако даже в тех языках, где слово «делиберация» звучит не столь чужеродно, оно все равно сохраняет разрыв со словом «желание»: сравните «deliberate» и «wish» — перевод Д. Росса (E.N. 1112a15–20, 1113a15).

Также и «не всякие поиски оказываются принятием решения» (E.N. 1112b20–25) Перевод Д. Росса и, соответственно, Э. Радлова здесь тоже точнее передают смысл — «не всякое исследование в то же время и делиберация» / «not all investigation appears to be deliberation». Сразу становится прозрачным сравнение с математикой, которое приводит Аристотель. Ведь в математике нельзя что-то решить так или иначе, решение как результат высчитывается — здесь невозможна свобода, здесь нет проблемы выбора, а значит, нечего и обсуждать. Тогда как предмет решения — «βουλευτός» / «subject of deliberation» у Д. Росса — это то, что подлежит обсуждению (E.N. 1112a15–20), «зависящее от нас», относительно чего рассуждения — не пустая болтовня, а могут иметь силу актуализации, т.е. когда человек может что-то изменить, быть той самой причиной.

Поскольку действие человека всегда конкретно, то неизбежен уход от точного знания (эпистемы) к единичным вещам, где разум не может осуществить строгого расчета, он лишь может очертить некоторые границы, навести некоторый порядок, но зазор между знанием и действием все равно остается. Здесь — между знанием общего и совершённой единичности — таится свобода человека, свобода возможности. Привести в действие, осуществить, сделать этот скачок от «я думаю» к «я делаю» может только то самое стремление — результирующий момент выбора; и если в действии раскрывается природа человека, то в этом моменте выбора человек созидает сам себя. Поэтому для Аристотеля так естественно и просто сказать:

«У неправосудного и распущенного сначала была возможность не стать таким, а значит они по своей воле такие» (E.N. 1112a15–20).

III.

Когда деятельность человека нельзя полностью интеллектуализировать, как уже показывалось выше, особенно важным становится индивидуальное развитие, индивидуальный опыт. По Аристотелю, в каждом конкретном принятии решения человек участвует, скажем так, весь целиком со всей его биографией: не только знаниями, но и навыками, привычками, склонностями. В каждом принятом решении субъект репрезентирует и реализует себя. Другими словами, принятие решений не может быть наукой — точным знанием, при всей своей открытости для анализа и рефлексии оно не может быть абсолютно прозрачным, алгоритмизированным, вынесенным вовне из субъекта какими-либо методологическими процедурами. Мы имеем ситуацию, когда определяемая в экзистенциальном смысле самостоятельность человека не тождественна его самоконтролю, т.е. человек остается в определенной степени непрозрачен для самого себя (своего понимания) и эта его сокрытость от его же рациональной способности требует от него предельного внимания к своему развитию. Именно для решения этой задачи Аристотелем и разрабатывается Этика как «практическая наука», направленная на правильное / гармоничное / полноценное развитие индивида.

Аристотель расширяет пространство формирования человека до самого раннего возраста — человек никогда не должен оставаться одиноким, т.е. без участия других людей. Каждый этап его жизни подготавливает успех следующего этапа — «подобно вспаханной земле, готовой взрастить семя» (E.N. 1179b25)²⁸.

²⁸ «Получить смолоду правильное руководство... трудно, если не быть воспитанным соответствующими законами»

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

(*E.N. 1079b35*); «[если] нечто следует делать, пройдя обучение, [то] учимся мы, делая это, например, строя дом, становимся зодчими» (*E.N. 1103a30*).

Сознательный выбор пронизывает и организует всю жизнь человека: так и «взаимную дружбу питают при сознательном выборе» (*E.N. 1157b30*), и «добродетели — это устои, которые избираются нами сознательно» (*E.N. 1139a20–25*). В такой ситуации принятие решений как процедура разъяснения («поиска и анализа») ситуации выбора оказывается методологически необходимой как для воспитания²⁹ и контроля (например, судебная система — *E.N. 1113b20–25*), т.е.

²⁹ «Воспитание [παιδεία. — Р.П.-П.] каждого в отдельности отличается от воспитания общественного, подобно отличию общего от частного случая во врачебном деле» (*E.N. 1180b5–10*). Здесь знаменитая παιδεία, отсылающая к концепции воспитания Платона, представляет собой как раз всестороннее соединение интеллектуального и морального развития – Воспитание с большой буквы.

внешнего по отношению к индивиду фактора, работающего через общение, так и для раскрытия способности самого индивида, если таковая имеется по природе, т.е. внутреннего фактора, т.к. добродетель именно находят, выбирают между двух крайностей, и это умение до того как стать привычкой, даже и после того, постоянно тренируется. Процедура *решение — выбор*, можно сказать, раскрывает структуру этой тренировки. Так, например, испорченность не условие произвольности, т.к. представляет собой сознательно выбранное неведение. «Добропорядочный человек» при этом всегда остается в ситуации решения — «производя выбор и не доводя себя ни до чрезмерности, ни до скудости» (*E.E. 1249a25*). Становится принципиально важна социальная роль опытного в принятии решений субъекта (вершиной такого опыта у Аристотеля предстает личность мудреца), не заменимого алгоритмами и инструкциями — «добропорядочному человеку в каждом частном случае положено быть мерой» (*E.N., 1166a10*). При этом значение каждой личности возрастает: так с одной стороны, речь практически идет о функции эксперта, чье преимущество не только в знании, но и в опыте, с другой — об ограниченности его функции. Например, «не будучи уверены, что мы сами достаточно [умны] для принятия решения, мы приглашаем советчиков» (*E.N. 1112b10*), но это не устраняет проблему выбора. Выбрать за человека никто не может, но ему могут помочь подойти к правильному выбору. Как следствие создается пространство диалога, устойчивая потребность в развитии коммуникативных навыков: спрашивание совета, советывание, слушание, обсуждение и т.д.

В итоге через выбор, через правильное целеполагание гармоничного развития в деятельность прокрадываются: иррациональность характера, умение владеть страстями, привычка как постоянная работа над собой. Становится очевидной недостаточность развития исключительно интеллекта и обучения только как формирование навыка интеллектуальной работы.

Такая гуманизация деятельности через внерациональную составляющую принятия решений также раскрывает свободу индивида как ответственность: человек становится коренной причиной выбора и действия на нем основанного. Если бы выбор возможно было полностью просчитать, то, в строгом смысле, решение принимал бы уже не субъект, а оно выводилось бы из набора данных, т.е. решение "принимал" бы алгоритм или формула. Принятие решений стало бы наукой в самом классическом позитивистском смысле. Но тогда сам человек стал бы всего лишь счетной машиной / калькулятором, оправдалось бы опасение Паскаля превращения его в теорему³⁰. Часто интеллектуальная деятельность рассматривается

³⁰ «Паскаль в несколько шуточной форме признавался, что "побаивается" чистых математиков, которые еще, чего доброго, "превратят его в теорему". Эта проблематика стала основной у современных экзистенциалистов, которые считают Паскаля одним из своих отдаленных предшественников» [*Стрельцова 1979, с. 154*]. В другом переводе этого фрагмента, нумерованного либо 36-м, либо 41-м — «примет меня за теорему» [*Pascal's Pensées 2006, p. 10*]. В целом речь идет не столько о страхе, сколько о неполноте математического знания (при всех его больших претензиях). «Человек полон потребностей», — так начинается этот фрагмент; математика, в которой рациональное познание достигает своей кульминации, все же не способна выразить всей полноты человека. Указание великого математика на ограниченность рационального познания будет по-настоящему услышано только в XX веке.

как самодостаточная. Это отнюдь не изобретение Нового времени (вспомнить хотя бы рационализм Сократа / Платона), но значительное обособление и успех естественнонаучного знания и метода как чистой — математизированной и логизированной — рациональности, а также идеи философии так называемого модерна, создают уверенность в том, что и деятельность человека может быть полностью рационально структурирована и определена.

Понимание ограниченности и чреватости чрезмерной рационализации и прогматизации человеческой деятельности, можно для красоты назвать *страхом Паскаля*. Сегодня философия эпохи модерна уже достаточно раскритикована³¹,

³¹ Даже если отталкиваться только от работы М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения», эта критика будет насчитывать уже больше пятидесяти лет.

и актуальность сложного антропологического подхода Аристотеля очевидна. Создаваемая им этическая гармония, положенная прежде всего в основу принятия решений, могла бы стать лекарством от страха Паскаля. Ведь именно требование — достижения цели — толкает к чрезмерной прагматизации принятия решений, в свою очередь, рациональные процедуры видятся гарантом получения результата. При этом в погоне за результатом происходит дегуманизация самой сущности человеческой деятельности — осуществление выбора. Хотя в строгом исчислении принятия решений можно

Платонов-Поляков Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности

увидеть благо устранения пресловутого «человеческого фактора» и назвать «страх Паскаля» заблуждением, мешающим оптимизации, интенсификации и прочим дочерям прогматизации достигать нужных каждому целей. Однако прежде надо забыть, что принятие решений — это специфически человеческое дело, а именно об этом нам говорит Аристотель. Убегая от рациональной дегуманизации эпохи модерна, мы вновь встречаем Аристотеля с его указаниями на сложность человеческой природы, где произвольность не всегда произвол, а право на ошибку — залог самостоятельности, ответственности и будущих открытий. Рассмотрев концепцию свободного выбора Аристотеля, на вопрос «что самое важное в принятии решений?» уверенно можно ответить — право ошибиться и ответственное стремление не допустить ошибки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Большая этика / Пер. Т.А. Миллер // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С.296–374.
2. Аристотель. Евдемова этика / Пер. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой. М.: Канон+, 2011. 408 с.
3. Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 65–367.
4. Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
5. Аристотель. О душе / Пер. А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1983. С. 368–448.
6. Брагинская Н.В. Примечания // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1993. С. 681–788.
7. Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. 733 с.
8. Гусейнов А.А. Античная этика. М.: Гардарики, 2003. 270 с.
9. Никулин Д.В. Метафизика и этика. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2005. 240 с.
10. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. Москва: Канон+, 2009. 272 с.
11. Стрельцова Г.Я. Блез Паскаль. Москва: Мысль, 1979. 237 с.
12. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
13. Этика Аристотеля / Пер. Э. Радлова. СПб.: Общественная польза, 1908. 207 с.
14. Aristotelis. *Ethica Nicomachea*. Ed. I. Bywater. Oxford: Oxford University Press, Amen House, 1962. 264 p.
15. Aristotle, Ross W.D., trans. "Ethica Nicomachea." *The Works of Aristotle*. Ed. and trans. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1925, volume 9, pp. 1908–1952.
16. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Revised by Sir Henry Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2041 p.
17. May H. *Aristotle's Ethics: Moral Development and Human Nature*. New York: Continuum International Publishing Group, 2010. 189 p.
18. Pascal B. *Pascal's Pensées*. Intr. by T.S. Eliot. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 2006. 295 p.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Платонов-Поляков, Р. С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности [Электронный ресурс] / Р.С. Платонов-Поляков // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 9. — Вып. 2: Пространство и время принятия решений. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.31.

THE ARISTOTLE'S PHILOSOPHY: DECISION MAKING AS A STRUCTURAL ELEMENT OF HUMAN ACTIVITY

Roman S. Platonov-Polyakov, M.Hum., Postgraduate student at Lomonosov Moscow State University
E-mail: roman-vsegda@mail.ru

Aristotle is one of those who could be called the forerunner of the theory of decision-making: the Aristotelian concept of 'προαίρεσις' corresponds to the concept of 'decision making' in the current researches in this field. That is why the subject of my article is the concept of conscious choice in the Aristotle's philosophy: it is an attempt to prove the relevance of Aristotle's approach to understanding both human activities in a whole and decision-making practice in particular.

Платонов-Поляков Р.С. ФИЛОСОФИЯ АРИСТОТЕЛЯ: ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Using general philosophical and hermeneutic methods, as well as method of semantic analysis, I examine the structure of activity in the Aristotle's philosophy and compare his concept of 'conscious choice' with the decision-making concept. This approach allows understand better the non-rational component of conscious choice (in the Aristotelian sense) and its role in the human becoming process. At the same time, ability to choose (making decisions), capacity for conscious choice / decision-making are, according to Aristotle, the essential characteristics of a person and a basic elements of its activities. I pay special attention to the factors, objectives and personal development in the implementation of a conscious choice.

My conclusion is Aristotle's approach allows avoid an excessive rationalization of making decisions and expose the decision-making process as a complex action at which rational, irrational, individual, specific qualities of a subject of the activity operate together.

Keywords: prohairesis, preferential choice, Aristotle, making decisions, decision theory, action, activity, goal.

References:

1. Aristotle. "Magna Moralia." Trans. T. Miller. *Collected Works*. Moscow: Mysl Publisher, 1984, volume 4, pp. 296 – 374. (In Russian).
2. Aristotle, Vasikieva T., Miller T., Solopova M., trans. *Eudemian Ethics*. Trans. T. Vasilieva, T. Miller and M. Solopova. Moscow: Kanon+ Publisher, 2011. 408 p. (In Russian).
3. Aristotle. "Metaphysics." Trans. A. Kubitsky and M. Itkin. *Collected Works*. Moscow: Mysl Publisher, 1976, volume 1, pp. 65 – 367. (In Russian).
4. Aristotle. "Nicomachean Ethics." Trans. N. Braginskaya. *Collected Works*. Moscow: Mysl Publisher, 1983, volume 4, pp. 53 – 294. (In Russian).
5. Aristotle. "On Soul." Trans. A. Kubitsky and M. Itkin. *Collected Works*. Moscow: Mysl Publisher, 1976, volume 1, pp. 368 – 448. (In Russian).
6. Braginskaya N.V. "Notes." *Aristotle's Collected Works*. Moscow: Mysl Publisher, 1983, volume 4, pp. 681 – 788. (In Russian).
7. Vasil'eva T.V. *The Poetics of Ancient Philosophy*. Moscow: Akademichesky proekt Publisher; Trikssta Publisher, 2008. 733 p. (In Russian).
8. Guseynov A.A. *Antique Ethics*. Moscow: Gardariki Publisher, 2003. 270 p. (In Russian).
9. Nikulin D.V. *Metaphysics and Ethics*. Moscow: Greko-latinsky kabinet Yu.A. Shichalina Publisher, 2005. 240 p. (In Russian).
10. Sorina G.V. *Decision Making as Intellectual Activity*. Moscow: Kanon+ Publisher, 2009. 272 p. (In Russian).
11. Streltsova G.Ya. *Blaise Pascal*. Moscow: Mysl' Publisher, 1979. 237 p. (In Russian).
12. Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow and St. Petersburg: Medium Publisher; Yuventa Publisher, 1997. 312 p. (In Russian).
13. Radlov E.. trans. *Aristotle's Ethics*. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza Publisher, 1908. 207 p. (In Russian).
14. Aristotelis. *Ethica Nicomachea*. Ed. I. Bywater. Oxford: Oxford University Press, Amen House, 1962. 264 p.
15. Aristotle, Ross W.D., trans. "Ethica Nicomachea." *The Works of Aristotle*. Ed. and trans. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1925, volume 9, pp. 1908 – 1952.
16. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Revised by Sir Henry Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2041 p.
17. May H. *Aristotle's Ethics: Moral Development and Human Nature*. New York: Continuum International Publishing Group, 2010. 189 p.
18. Pascal B. *Pascal's Pensées*. Intr. by T.S. Eliot. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 2006. 295 p.

Cite MLA 7:

Platonov-Polyakov, R. S. "The Aristotle's Philosophy: Decision Making as a Structural Element of Human Activity." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space, Time and Decision Making]* 9.2 (2015). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast9-2.2015.31>. (In Russian).